

18+

Грант Аллен

БРИТАНСКИЕ ВАРВАРЫ

Грант Аллен

Британские варвары

«Издательские решения»

Аллен Г.

Британские варвары / Г. Аллен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650028-0

Коротенький роман «Британские варвары» вышел из-под пера английского писателя канадского происхождения Гранта Аллена в 1895 году. Имя автора у нас почти не известно, а роман никогда прежде на русский язык не переводился, хотя Аллен был близким другом Конан Дойла и считался пионером жанра научной фантастики. Герберт Уэллс не зря упоминает его в своей «Машине времени». Однако книга эта не столько о фантастическом, сколько о нашем с вами мире, по-прежнему затянутом в корсеты условностей и лжи.

ISBN 978-5-00-650028-0

© Аллен Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие переводчика	6
I	7
II	13
III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Британские варвары

Грант Аллен

Кирилл Шатилов *Переводчик*

Foocus *Иллюстрация на обложке*

© Грант Аллен, 2024

© Кирилл Шатилов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0065-0028-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Эта довольно необычная книга была переведена мной с американского издания G. P. PUTNAM'S SONS, 1895.

Её автор, Грант Аллен (1848—1899), считается писателем канадским. До 13 лет он получал образование дома, потом перебрался с родителями в США, затем во Францию и, наконец, в Великобританию, где учился в Бирмингеме и Оксфорде. Высшее образование он заканчивал снова во Франции, а в возрасте двадцати с небольшим лет стал профессором колледжа для негров на Ямайке. Несмотря на то, что родился он в семье протестантского проповедника из Ирландии, жизнь сделала Гранта Аллена атеистом и социалистом, а также сторонником идей эволюционизма.

В 1879 году Грант оставил преподавательскую работу и вернулся в Англию, где проявился его талант писателя. Писал он не только под своим именем (романы , и), но и под псевдонимами, иногда женскими, например, Оливия Пратт Рейнер (). *The Woman Who Did The Evolution of the Idea of God The British Barbarians The Type-writer Girl*

Опубликовав в вышеуказанном 1895 году предлагаемый ниже короткий роман «Британские варвары», Грант Аллен стал пионером в жанре «научной фантастики» наряду с Гербертом Уэллсом, «Машина времени» которого увидела свет ровно тогда же. Примечательно, что Грант Аллен в «Машине времени» честно упомянут.

Умер писатель в Англии, в графстве Сарри (по традиции неправильно называемом у нас Суррей) как сегодня считается, от рака печени, не закончив детективный роман «Хильда Уэйд», главной героиней которого выступала опять же женщина. Последние две главы романа дописывал уже после смерти Аллена его друг и сосед – Артур Конан Дойл. На русском языке «Хильда Уэйд», насколько мне известно, была опубликована лишь в 2012 году. Вероятно, из маркетинговых соображений её назвали «Дело врача», а автором назначили, разумеется, Конан Дойла, упомянув Гранта Аллена в роли соавтора.

«Британские варвары» публикуются на русском языке впервые, без купюр и в максимальном соответствии с авторским стилем.

К.Ш.

I

Время действия – послеполуденная суббота. Место – Сарри. Персонаж драмы – Филип Кристи.

Ранним скоростным поездом он добрался до Бракенхёрста. Весь мир, разумеется, знает Бракенхёрст – наизелёнейший и наилиственнейший южный пригород Лондона. Тогда он выглядел ещё милее, нежели обыкновенно, этот городок вилл в первой свежей нежности тусклых весенних деревьев, в первом полноценном буйстве сирени, раkitника, каштана и калины. Воздух наполнился ароматами мая и гудением пчёл. Филип некоторое время помедлил на углу заросшего плющом коттеджа, молча наслаждаясь. Он был рад, что живёт здесь – так аристократично! Как приятно проследовать напрямик по волшебному ковру Юго-восточной железной дороги из мрака, грохота и суеты Кэннон-стрит на ширь и простор, в безмолвие и исключительность этой горной деревеньки! Ибо Филип Кристи был благовоспитанным клерком на гражданской службе Её Величества.

Пока он стоял, наслаждаясь и оглядываясь по сторонам, его напугало внезапное и, как ему показалось, ничем не подготовленное появление человека в добротном сшитом сером твидовом костюме буквально в ярде или двух перед ним. Он воспринял это за вмешательство. Вообще-то с первого взгляда ничего в одежде, внешности и манерах незнакомца не выглядело слишком примечательным. Единственное, что Филип отметил про себя в наружности пришельца в первые несколько секунд, так это некое отчётливое выражение социального превосходства, врождённое благородство походки и осанки. Всё это он заметил, не присматриваясь, инстинктивно. Однако удивил и поразил его не тихий и скромный тон, свойственный высшему обществу. Бракенхёрст и сам мог гордиться тем, что является вполне себе породистым и титулованным районом. Видных людей здесь водилось как вереска или черники. Озадачил его куда сильнее ещё более трудный для понимания вопрос: откуда столь внезапно мог взяться этот незнакомец? Филип всего две минуты назад разглядывал дорогу и был готов поклясться, что когда отворачивался, ни в ту, ни в другую сторону не было ни души. Каким же тогда образом умудрился здесь появиться этот человек в сером костюме? Не с облака же он упал? На двести ярдов в обе стороны не было ни калитки. Ибо Бракенхёрст относится к тем чрезвычайно респектабельным районам вилл, где каждый дом, по праву претендующий на звание семейной резиденции, стоит на собственном участке земли минимум в шесть акров. Филип едва ли мог заподозрить столь хорошо одетого мужчину столь выдающейся наружности в столь вульгарном нарушении общепризнанного кодекса бракенхёрстских манер, каким стало бы перепрыгивание через живую изгородь. Поэтому он в полном недоумении вглядывался во внезапность данного появления, более чем наполовину склонный удовлетворить своё любопытство обращением к незнакомцу с вопросом, мол, за каким чёртом он тут оказался.

Секундного раздумья, однако, оказалось достаточно, чтобы уберечь простодушного юношу от опасности столь серьёзного нарушения правил общественного приличия. Подойти и заговорить было бы губительно. Поскольку, заметьте, каким бы хорошо одетым джентльменом ни выглядел незнакомец, сегодня (в эти хаотичные времена разрушительного радикализма) никогда нельзя быть уверенным в том, является ли он джентльменом на самом деле. Что делает знакомство опасной роскошью. Если заговорить с человеком первым, пусть даже невзначай, он может возжелать навязать вам свою компанию, не мытьём, так катаньем, в будущем. А когда под одной с вами крышей живут дамы, нельзя быть слишком привередливым к тем знакомым, которых вы подбираете, даже самым что ни на есть неформальным и кратковременным образом. Кроме того, малый может оказаться одним из тех, кто стоит выше вас на социальной лестнице и не соблаговолит ответить вам взаимностью, а в этом случае, разумеется, вы лишь подвергните себя ненужному снобизму. Фактически, в нашей современной

Англии, отчизне пренебрежения к ближнему, мы проводим жизнь на качелях сомнения, между Сциллой и Харибдой этих двух противоположных социальных опасностей. Вам всегда страшно за то, что вы можете познакомиться с кем-то, кого сами не желаете знать, или попытаться познакомиться с кем-нибудь, кто не захочет знать вас.

Движимый этими истинно британскими принципами мудрости предков, Филип Кристи, вероятно, никогда бы больше не увидел этого изысканного господина, если бы ни мимолётное проявление мышечной реакции, над которой его контроль был явно недостаточен. Пытаясь проشمыгнуть мимо, он случайно натолкнулся на взгляд незнакомца. Взгляд ясных голубых глаз, глубокий и задумчивый. Ему каким-то образом удалось завладеть вниманием Филипа. И стало очевидно, что незнакомец боится заговорить с ним меньше, нежели он сам. Ибо он приблизился с приятной улыбкой на открытом лице и поднял руку без перчатки в своего рода неуловимом или сдержанном на полпути приветствии, которое произвело на его нового знакомого впечатление расплывчато вежливого континентального жеста. Впечатление скорее благоприятное: выходило, незнакомец был кем-то и при этом знал своё место. Поскольку насколько Филип побаивался первым завязать беседу с незнакомцем неопределённого положения, настолько же он уважал любого, кто был в этом своём положении настолько уверен, что не разделял подобных сомнений и опасений среднего класса. Герцог никогда не станет бояться обратиться к кому бы то ни было. Таким образом, Филип укрепился в своей первой мысли о том, что этот человек в сером костюме является персоной, немало известной в обществе, а не то он бы едва ли подошёл и заговорил с такой располагающей прямоотой и лёгкостью манер.

– Прошу меня простить, – сказал незнакомец, обращаясь к нему на чистом и ясном английском, который показался Филипу диалектом наивысших кругов, но при этом с безымянным отличием в интонации или акценте, который определённо не был заморским и всё же ещё менее провинциальным, не шотландским и не ирландским. На слух Филипа он звучал наименее образчиком незамутнённого английского, какой ему когда-либо доводилось слышать... ну, разве что чуть почище. – Прошу меня простить, однако я здесь впервые и был бы вам весьма признателен, если бы вы были так любезны показать мне дорогу к какому-нибудь приличному съёмному жилью.

Сейчас, когда он стоял на расстоянии вытянутой руки, его голос и акцент привлекли Филипа даже больше, чем его внешность, когда он находился в отдалении. Было невозможно передать точными словами, что именно в нём делало его личность и слова столь подкупающими. Однако с первой же минуты Филип откровенно признал, что незнакомец в сером костюме истинный джентльмен. Он так проникся его искренностью, что сразу же отбросил привычный плащ подозрительной сдержанности и, постояв и подумав, ответил после короткой паузы:

– Ну, у нас тут вообще превеликое множество очень неплохо обставленных домов, которые сдаются, но не съёмного жилья. Разве вы не знаете, что Бракенхёрст на голову выше сдаваемых квартир. Это жилой квартал. Однако я думаю, что у мисс Блейк из дома Хизерклифф вы найдёте как раз то, что вам подойдёт.

– О, благодарю вас, – ответил незнакомец с почтительной вежливостью, снова очаровавшей Филипа своей изящной выразительностью. – А не будете ли вы так любезны показать мне дорогу. Видите ли, я пока совершенно не ориентируюсь в этой стране.

– С удовольствием, – отозвался Филип, обрадовавшись возможности разгадать загадку того, откуда ему на голову свалился этот турист. – Я как раз направляюсь в ту сторону и могу довести вас до её дверей. Всего несколько шагов. Так вы в Англии впервые?

Приезжий улыбнулся странно сдержанной улыбкой. Он был молод и красив.

– Да, я впервые в вашей Англии, – ответил он угрюмо тоном того, кто желает избежать неловких разговоров. – По сути, я чужестранец. Прибыл только сегодня утром.

– С континента? – попытался Филип, слегка приподняв брови.

Незнакомец снова улыбнулся.

– Нет, не с континента, – пояснил он с томительной уклончивостью.

– Не подумал бы, что вы иностранец, – продолжал Филип вкрадчиво многозначительным тоном. – Я имею в виду, – добавил он после минутной паузы, за время которой собеседник ничего нового по собственному почину не заявил, – что вы говорите по-английски как англичанин.

– В самом деле? – удивился незнакомец. – Что ж, я рад. Это значительно облегчит мои сношения с вами, англичанами.

К этому моменту любопытство Филипа раззадорилось до крайности.

– Так вы утверждаете, что вы не англичанин? – переспросил он с лёгким природным сомнением в голосе.

– Нет, я не совсем тот, кого вы назвали бы «англичанином», – ответил незнакомец, словно совершенно не обращал внимания на столь неуклюжие попытки выяснить подробности его прошлой жизни. – Я уже сказал вам, что я чужестранец. Хотя дома мы всегда говорим по-английски, – добавил он после раздумья, будто готовый снизить до всей прочей информации, какую мог позволить себе раскрыть.

– Уверен, что вы не американец, – продолжал Филип непоколебимый в стремлении докопаться до истины в наболевшем вопросе сразу же, как только тот возник, и пользуясь ситуацией, сочетающей сдержанность и вежливость.

– Нет, я точно не американец, – ответил незнакомец с мягкой учтивостью в тоне, заставившей Филипа постесняться грубости своих расспросов.

– И не колонист? – снова спросил он, отказываясь понимать намёк.

– И не колонист тоже, – резко оборвал его чужестранец.

Тут он замолчал, предоставив Филипу трудную задачу продолжения беседы.

Сотрудник государственной службы Её Британского Величества отдал бы всё, чтобы откровенно заявить ему в эту минуту:

– Ну, раз вы не англичанин и не американец, не колонист, но чужестранец, и при этом говорите на английском, как носитель, и всегда на нём говорили, за кого, ради всего святого, вы хотите, чтобы мы вас принимали?

Однако он с трудом сдержался. В этом незнакомце было нечто, что инстинктивно подсказывало: приставать с расспросами к нему будет гораздо безтактнее, нежели к любому, кого Филип встречал прежде.

Некоторое время они шли дальше вместе. Всю дорогу незнакомец любовался золотыми прядями раkitника, упивался пряным ароматом сирени и рассуждал о причудливости и прелести дачных домиков. Филип тоже находил их симпатичными (вернее, импозантными), однако со своей стороны никак не мог понять, откуда тут взяться «причудливости». Более того, он воспринял подобное определение как оскорбление столь уважаемого района: ибо быть причудливым значит быть живописным, а быть живописным значит быть старомодным. Однако голос и манеры незнакомца оставались столь благоугодными, почти чарующими, что Филипу не хотелось расходиться с ним по абстрактной теме определительного эпитета. Кроме того, нет ничего безусловно оскорбительного в том, чтобы назвать дом причудливым, хотя сам Филип наверняка бы предпочёл, чтобы резиденции достойных семейств здешнего аристократического района описывались в выражениях аукционеров вроде «впечатляющие», «благородные», «видные» или «важные».

До дверей мисс Блейк оставалось всего ничего, когда чужестранец на секунду замешкался. Он вынул из кармана брюк пригоршню мелочи, золотой и серебряной вперемежку.

– Ещё один вопрос, – сказал он с той же милой улыбочкой на губах. – Простите мне моё невежество. Какая из этих монет фунт, а какая – соверен?

– Так фунт и есть соверен, – поспешно ответил Филип, улыбаясь истинно британской улыбкой неподдельного изумленья оттого, что кто-то не знает незначительной подробности той жизни, которой всегда жил.

Вообще-то он сам с той же простотой задался бы вопросом, какая разница между монетой в двадцать франков, наполеоном и луидором, или поспорил бы на тему точного числового соотношения между двадцатью пятью центами и четвертью доллара. Однако тут речь, знаете ли, о монетах иностранных, в которых не каждый обязан разбираться, если только он ни пожил в стране, где они в ходу. Все же остальные являются британскими и необходимы для спасения. Это чувство в глубоко провинциальной английской натуре инстинктивно. Ни один англичанин никогда по-настоящему не может осознать того простого факта, что для иностранцев Англия – государство иностранное. Если иностранцы случайно выказывают невежество по отношению к малейшему проявлению английской жизни, он считает их незнание глупым, детским и нисколько не схожим с его собственным естественным невежеством по отношению к абсурдным порядкам чужих народов.

Похоже, чужестранец заранее распознал эту любопытную особенность ограниченного английского интеллекта, поскольку слегка покраснел, ответив:

– Разумеется, я знаю вашу валюту с точки зрения арифметики: двенадцать пенсов составляют один шиллинг, двадцать шиллингов составляют один фунт...

– Разумеется, – эхом отозвался Филип тоном полной убеждённости. Ему никогда бы не пришло в голову хоть на мгновение засомневаться в том, что все интуитивно знают эти убогие основы священной британской денежной системы.

– Однако ж это исключительно нелепые единицы стоимости для любого знакомого с десятичной чеканкой: настолько неразумные и нелогичные, – мягко продолжал незнакомец, переворачивая монетки с неопределённым видом недоверия и неуверенности.

– А теперь я прошу простить, – сказал Филип, вытягиваясь по струнке и не веря собственным ушам (он был официальным представителем правительства Её Британского Величества и не привык к подобному кощунству). – Правильно ли я вас понял? Вы считаете фунты, шиллинги и пенсы ? *меня неразумными*

Он сделал ударение на последнем слове, что должно было породить ужас в груди незнакомца. Но почему-то не породило.

– Ну конечно же, – продолжал тот с невозмутимой кротостью, – никакого порядка или принципов, знаете ли. Никакой рациональной связи. Простой пережиток варварства. Двадцатка и дюжина. Двадцатка – это один человек: десять пальцев на руках и на ногах. Дюжина – это один мужчина в ботинках: пальцы и ступни вместе. Двенадцать пенсов составляют один шиллинг. Двадцать шиллингов – один фунт. Как всё запутано! А система обозначений чего стоит – абсурд! Какая из них полкроны, а какая – флорин, не подскажете? И какова их соответствующая стоимость в пенсах и шиллингах?

Филип по очереди брал монеты и давал пояснения. Тем временем чужестранец воспринимал информацию с очевидным интересом, как путешественник по тому огромному тракту, что зовётся «заграница», обращает внимание на обычаи и повадки какого-нибудь дикого племени, что обитает в пределах своих рубежей. Он со всей серьёзности заворачивал каждую монету в бумажку и по мере того, как инструктор их называл, писал на ней название и стоимость исключительно красивым и разборчивым почерком.

– Видите ли, тут всё так путано, – пояснил он, а Филип наградил эту детскую затею очередной британской улыбкой превосходства и снисходительности. – Деньги не обладают согласованностью и порядком сами по себе. Но на этих странно не связанных между собой монетах даже не позаботились указать их стоимость словами или цифрами.

– Все знают, как они называются, – небрежно ответил Филип.

Хотя на мгновение новизна этой мысли застигла его врасплох. Он почти признался себе в том, что люди, которым не повезло родиться иностранцами, испытывают поначалу лёгкую сложность в подобной системе без опознавательных знаков. Но ведь нельзя же ожидать, чтобы всю Англию регулировали ради иностранцев! Правда, вообще-то однажды, когда Филип посетил Рейн и Швейцарию, он всю дорогу от Остенда до Гринделвальда ворчал на эти самые десятичные монеты, которыми незнакомец как будто восхищался, и никак не мог взять в толк, какого дьявола Бельгия, Германия, Голландия и Швейцария не смогли договориться между собой о единой чеканке. Британскому туристу стало бы гораздо удобнее. Ведь британский же турист не иностранец.

На ступеньках крыльца «меблированных апартаментов для семей и джентльменов» мисс Блейк незнакомец снова остановился.

– Ещё один вопрос, – заявил собеседник тем же лощёным тоном, – если я не слишком злоупотребляю вашим временем и терпением. – На какой срок – подневно, помесячно, на год – обычно снимают жильё?

– Понедельно, разумеется, – ответил Филип, сдержав широкую улыбку полнейшего удивления от столь детского недомыслия этого мужчины.

– И сколько мне придётся платить? – спокойно продолжал чужестранец. – У вас есть по этому поводу какое-нибудь фиксированное правило?

– Нет, конечно, – ответил Филип, более не в силах сдерживать своего веселья (в Англии для Филипа всё было «конечно»). – Вы платите в соответствии с тем жильём, которое вам требуется, в зависимости от количества комнат и характера района.

– Понятно, – отозвался чужестранец с невозмутимой вежливостью, несмотря на заносчивость Филипа. – А сколько мне платить за комнату в зависимости от широты и долготы?

На протяжении двадцати секунд Филип подозревал своего нового знакомого в желании подшутить над ним. Однако поскольку чужестранец за то же время извлёк из кармана своего рода комбинированный компас с хронометром, по которому сосредоточенно сверил своё географическое местоположение, Филип пришёл к выводу, что перед ним либо моряк, либо беглый лунатик. Поэтому ответил по существу.

– Полагаю, – сказал он тихо, – так как у мисс Блейк жильё весьма респектабельное, в первоклассном квартале и с великолепным видом, вам, вероятно, придётся платить что-нибудь вроде трёх гиней.

– Трёх чего? – прервал его незнакомец, устремив взор на кипу монет, которые по-прежнему держал перед собой.

Филип понял его взор ошибочно.

– Возможно, это для вас дорого, – предположил он, делаясь строже, ибо если люди не могут позволить себе оплачивать приличные комнаты, они не имеют права вторгаться в аристократический пригород и заручаться вниманием его постоянных жителей.

– А, я не про это, – прибавил чужестранец, верно истолковав его тон. – Деньги для меня не имеют значения. Если я могу поселиться в опрятной комнате, солнечной, со свежим воздухом, мне неважно, сколько платить. Просто я что-то позабыл насчёт гиней. Помню, я находил её в словаре дома, но боюсь, что запямятовал. Дайте-ка подумать. В гинее двадцать один фунт, верно? В таком случае я должен отдавать за жильё шестьдесят три фунта в неделю.

Вот он, настоящий дух! Собеседник произнёс это так просто, так серьёзно и так невинно, что Филип поверил его словам. Тот был готов при необходимости платить по шестьдесят с лишним фунтов ренты в неделю. Вот такой человек – настоящий жилец для респектабельного района! Он будет содержать верховую лошадь, вступит в клуб и станет непринуждённо поигрывать в бильярд. Филип вкратце объяснил собеседнику характер его ошибки, обратив внимание на то, что гиней является воображаемой монетой, не представленной в металле, но считающейся по инструкции двадцатью одним шиллингом. Незнакомец воспринял лёгкую поправку

с такой превосходной беззаботностью, что Филип тот час же сделался высокого мнения о его достатке и платёжеспособности, а потому – о его порядочности и моральных чертах. Было ясно, что тот не видит разницы между фунтами и шиллингами. Вне сомнений, Филип был изначально прав в своём диагнозе странного знакомого как человека почтенного. Ибо недостаток и почтенность в Англии практически синонимы одного и того же качества – обладания материальными возможностями.

Когда они расставались, незнакомец снова заговорил, по-прежнему в недоумении.

– А существуют ли какие-нибудь особенные церемонии, через которые нужно проходить, чтобы снять жильё? – поинтересовался он вполне серьёзно. – Я имею в виду какие-нибудь религиозные обряды. Пуджа или что-нибудь в этом роде. – То есть, – продолжал он по мере того, как улыбка Филипа ширилась, – есть ли какие-нибудь табу, требующие снятия или умиротворения перед тем, как я займу свою жилплощадь в апартаментах?

К этому моменту Филип был определённо убеждён в том, что ему приходится иметь дело с умалишённым – возможно, с опасным лунатиком. Поэтому ответил он довольно раздражённо:

– Нет, разумеется, нет. Какой абсурд! Поймите, что это смешно. Вы находитесь в цивилизованной стране, а не среди австралийских дикарей. Вам нужно будет лишь выбрать комнаты и заплатить за них. Простите, что ничем больше не могу вам помочь, у меня сегодня мало времени. Так что доброго вам утра.

Что касается незнакомца, то он свернул на дорожку, ведущую через сад сдаваемого дома со странным предчувствием. Мужество изменило ему. По солнечному времени на этой долготе была половина четвёртого. Отчего же молодой человек сказал столь резко «доброе утро» в 3:30 пополудни, будто специально хотел его запутать? Расставлял ловушки? Или таковы коварные уловки английских знахарей?

II

Назавтра наступило (вполне естественно) воскресенье. В половине одиннадцатого Филип Кристи по обыкновению сидел в гостиной дома своей сестры, в перчатках, держа шляпу из гладкого шёлка и ожидая Фриду и её мужа, Роберта Монтейта, чтобы отправиться с ними в церковь. Пока он таким образом сидел, крутя большими пальцами или стуча по чертовой татуировке на красном японском столике, вошла горничная.

– Какой-то джентльмен хочет видеть вас, сэр, – сказала она, вручая Филипу карточку.

Юноша бросил на неё любопытный взгляд. Визитёр в столь ранний час! Да и к тому же воскресным утром! В высшей степени эксцентрично! Совершенно никакого порядка!

Поэтому взглянул он на карточку с неким смутным чувством немого осуждения. Однако в то же время он заметил, что она красивее, вытнее и гравирована более изящно, нежели любые другие карточки, которые ему попадались до сих пор. Простыми непримечательными буквами на ней значилось незнакомое имя: «М-р Бертрам Ингльдю».

Хотя он никогда не слышал его раньше, имя в сочетании с гравировкой смягчили зарождавшуюся неприязнь Филипа.

– Впустите его, Марта, – распорядился он самым что ни на есть помпезным тоном.

И джентльмен вошёл.

При виде его Филип вытаращил глаза. То был его приятель, чужестранец. Филип был крайне удивлён появлением вчерашнего умалишённого. А что ещё более обескуражило его, так это тот же самый серый твидовый костюм, в котором он был накануне. Вы ведь знаете, что нет ничего более благовоспитанного, нежели серый твид в подобающем ему месте, но Филип Кристи считал, что приличное место находится определенно не в респектабельных пригородах да ещё воскресным утром.

– Прощу меня простить, – сказал он холодно, вставая со своего места с видом самой строгой официозности – видом, который он имел обыкновение на себя напускать в приёмной конторы, куда заходили посторонние и хотели побеседовать с его шефом «по поводу важного общественного дела». – Чем обязан вашему визиту?

Ибо он не имел ни малейшего желания быть застигнутым в доме сестры врасплох случайным знакомым, в котором подозревал беглого лунатика.

Бертрам Ингльдю со своей стороны, однако, приблизился ко вчерашнему спутнику с открытой улыбкой и лёгкостью утончённого джентльмена. Он блаженно не осознавал того неуважения, которое оказывал респектабельности Бракенхёрста, появляясь в воскресенье в сером твидовом костюме. Поэтому он лишь протянул руку, как протягивают её обычному другу, с простыми словами:

– Вы давеча были так несказанно любезны, мистер Кристи, что поскольку я тут никого больше в Англии не знаю, я рискнул зайти и спросить вашего совета в тех неожиданных обстоятельствах, которые с тех пор сложились.

Когда Бертрам Ингльдю посмотрел на него, Филип снова смягчился. Взгляд этого человека был таким пленяющим! По правде говоря, в таинственном незнакомце было нечто покоряющее – необычное выражение бессознательного превосходства – так что стоило ему оказаться рядом, Филип испытал восхищение. Поэтому ответил он таким вежливым тоном, какой только мог мобилизовать:

– А откуда вы узнали моё имя и выяснили, что я у сестры?

– О, мисс Блейк поведала мне, кто вы и где проживаете, – невинно ответил Бертрам. Голос его был сама искренность. – А когда я добрался до вашего жилища, мне объяснили, что вас нет дома, но что я, вероятно, найду вас у миссис Монтейт. Поэтому я и пришёл сюда, конечно.

Филип в глубине души счёл неуместным использование этого наивного «конечно», однако сердиться на м-ра Бертрама Ингльдю смысла не было. Он понял это сразу. Собеседник его был настолько простосердечен, настолько прозрачно естественен, что на такого грех обижаться. На него, безхитростного иностранца, можно было разве что улыбаться улыбкой циничного превосходства воспитанника Лондона. А потому госслужащий снисходительно поинтересовался:

– В чём же ваше затруднение? Возможно, я помогу вам выкрутиться.

Ибо ему моментально подумалось, что поскольку давеча у Ингльдю в кармане имелась кругленькая сумма золота и банкнот, едва ли он пришёл спозаранку одалживать деньги.

– Видите ли, – ответил чужестранец с обезоруживающей простотой, – у меня нет багажа.

– Никакого багажа! – с благоговением повторил Филип, позволяя челюсти сослужить плохую службу и почёсывая чисто выбритый подбородок.

Сейчас как никогда прежде он засомневался в здравом уме и респектабельности этого человека. Если он не лунатик, в таком случае он наверняка тот знаменитый убийца с вокзала Перпиньян, о котором все говорили и на которого охотилась французская полиция с целью дальнейшей экстрадиции.

– Нет. Я ничего не прихватил с собой умышленно, – ответил м-р Ингльдю с обычной невинностью в голосе. – Я был не до конца уверен в обычаях, традициях и запретах, бытующих в Англии. Поэтому я заказал только этот костюм, воспользовавшись английскими образцом современной моды, который мне повезло найти дома у одного коллекционера. Я подумал, что смогу обзавестись всем необходимым, когда доберусь до Лондона. Так что никакого багажа я с собой не взял.

– Ни щётки, ни расчёски? – в ужасе перебил его Филип.

– О, нет, естественно, лишь те мелочи, которые всегда носят при себе, – ответил Бертрам Ингльдю и сделал грациозно примирительный взмах рукой, который Филип счёл вполне элегантным, хотя и совершенно иностранным. – Кроме этого, ничего. Я решил, будет лучше обзавестись предметами страны в самой стране. Тогда ты точно знаешь, что носят в обществе, с которым смешиваешься.

В первый и последний раз, произнеся эти слова, чужеземец сыграл на чувствах, знакомых Филипу.

– О, конечно, – резко согласился госслужащий. – Если хотите одеждой соответствовать моде, вы обязаны наведаться в первосортные дома Лондона на предмет всего. Никто и нигде не кроит так превосходно, как лондонские портные.

Бертрам Ингльдю поклонился. Получился смиренный поклон человека совершенно постороннего, который не выражает ни малейшего мнения по поводу темы разговора, поскольку не имеет своего. А раз он, несмотря на заверения, прибыл из Америки или колоний, запаздывавших в развитии, тщетно трудившихся в тылу Бонд-стрит, Филип счёл это откровенным проявлением боязливости, особенно ожидаемой в человеке, который только вчера наведлся в Англию. Бертрам тем временем с задумчивым видом продолжал:

– И вы говорили, наверняка не помышляя сбить меня с толка, что съём жилья не предполагает никаких формальностей или табу. Однако стоило мне договориться о комнатах и заплатить за них четыре гиней в неделю, что было на гинее больше, чем она хотела с меня взять, я обнаружил, что мисс Блейк не намерена меня впускать, пока я ни покажу ей своего багажа. – Выглядел он комично озадаченным. – Сперва я подумал, – продолжал он, неотрывно глядя на Филипа, – будто добрая леди боится, что я не заплачу ей обещанного, сбегу и оставлю её в трудном положении без единого пенни, что было бы весьма болезненной инсинуацией. Но когда я предложил ей трёхнедельный аванс, то понял, что дело не в этом. Существовало табу. Она сказала, что не может пустить меня без багажа, поскольку это подвергнет риску удачу или талисман, на который она то и дело намекала, называя «респектабельностью своего

жилья». Похоже, эта «респектабельность» – великий фетиш. В конце концов, я был вынужден, чтобы хоть как-то провести ночь под крышей, умиловить его, пообещав, что отправлюсь в Лондон первым же поездом и вернусь с багажом.

– Значит, ваши вещи где-нибудь на Черинг-Кросс, в камере хранения? – предположил Филип с некоторым облегчением, поскольку он был уверен в том, что Бертрам Ингльдю наверняка сослался на него как на порекомендовавшего ему дом Хизерклифф в качестве меблированных апартаментов.

– Да нет же, нигде, – бодро отозвался Бертрам. – Ни рукава от жилетки. Только то, что на мне. И зашёл я к вам по пути лишь затем, чтобы спросить, не будете ли вы так любезны направить меня в какой-нибудь лондонский эмпорий, где я мог бы приобрести всё необходимое.

– Куда-куда? – перебил его Филип, живо поймавшись на незнакомое слово с чисто английским удивлением и только ещё сильнее уверяясь в том, что чужестранец, сколько бы тот ни возражал, явно американец.

– Эмпорий, – невозмутимо пояснил Бертрам, – склад. Разве вы не знаете? Место, где вам дают вещи взамен на деньги. Я намерен сегодня же съездить в Лондон и купить всё, что мне требуется.

– А, вы имеете в виду магазин! – догадался Филип, сразу же напуская на себя свой самый респектабельный вид британского христианина. – Я могу посоветовать вам лучшего портного в Лондоне, у которого отменный фасон. Не портной, а цветок. Но не сегодня. Вы забываете, что находитесь в Англии и сегодня воскресенье. На континенте по-другому. Но в городе или за городом вы нынче не найдёте открытым ни одного приличного магазина.

Бертрам Ингльдю провёл рукой по высокому бледному лбу. Выглядел он озадаченно.

– Я так больше не могу, – медленно пробормотал он, как человек, который с трудом извлекает из смутных глубин памяти позабытые факты. – Я должен был помнить. Я ведь давно это знал. Я читал об этом в книге про обычаи и нравы англичан. Вот только почему-то всегда вспоминаешь про эти запретные дни, лишь когда натыкаешься на них во время путешествий. И что мне теперь делать? Обычная коробка, похоже, в подобной ситуации сыграет роль «Сезам, откройся». Ей придаётся эдакая мистическая ценность как моральному амулету. Сомневаюсь, что замечательная мисс Блейк согласится принять меня на вторую ночь, если я не заручусь поручительством какого-нибудь чемодана.

У всех у нас, даже у самых безупречных обывателей, случаются минуты слабости, а потому когда Бертрам произнёс эти слова весьма жалостливым тоном, Филипу Кристи подумалось, что передача займа «какого-нибудь чемодана» будет христианским поступком, который, возможно, упростит жизнь такому статному и обаятельному чужестранцу. Кроме того, он всё-таки был уверен, что Бертрам Ингльдю, каким бы таинственным он ни представлялся, персоне важная. Этот безымянный шарм достоинства и оригинальности впечатлял Бертрама тем больше, чем дольше он беседовал с пришельцем.

– Что ж, пожалуй, я мог бы вам помочь, – с сомнением в голосе пробормотал он после паузы. Хотя вообще-то если одолжить чемодан, это будет вроде как скрепление дружбы на веки вечные, что Филип, будучи юношей предусмотрительным, считал в некотором роде чуть-чуть опасным, ибо тому, кто одалживает чемодан, приличествует вернуть его обратно – что создаёт предпосылки для бесконечных нештатных ситуаций. – Вероятно, я бы...

В это мгновение их беседа оказалась прервана появлением дамы, которая моментально приковала внимание Бертрама Ингльдю. Она была высока и смугла, красивая той более зрелой и истинной красотой лица и форм, которая заявляет о себе по мере взросления характера. Её черты были чётко выражены и скорее изящны, нежели правильны. Глаза большие и лучезарные. Губы не слишком тонкие, но яркие и соблазнительные. Лоб высокий, украшенный роскошными прядями лоснящихся чернотой волос, равных которым Бертрам не мог припомнить

в силу их шелковистости и странного синеватого блеска, напоминающего стальную тарелку или траву прерий. Её походку отличала плавная грация. Движения были ровными. Как некогда сыновья божьи узрели, что дочери человеческие прекрасны, и тотчас возжелали их, так и Бертрам Ингльдю посмотрел на Фриду Монтейт и сразу же определил, что она женщина желанная, восседающая душой на высоком троне, очень спокойная и красивая.

Мгновение она задумчиво стояла, рассматривая его, в своём ниспадающем восточном или мавританском одеянии (поскольку одевалась она, как выразился бы Филипп, «артистически») в ожидании, когда её представят, и тем временем внимательно изучала статного незнакомца. Что до Филиппа, то он замешкался, не будучи до конца уверенным в правилах этикета – скажем лучше «морали» – подобает или нет знакомить дам определённого семейства со случайным незнакомцем, подобранным на улице, который признаётся в том, что прибыл с визитом в Англию без рекомендательного письма и даже такого минимального проявления респектабельности, как чемодан. Фриду же никакие угрызения совести не мучили. Она видела перед собой симпатичного и благовоспитанного молодого человека и повернулась к Филиппу с тем взглядом, которой говорит лучше многих слов: «Ну что, познакомишь нас?!».

В итоге безмолвно побуждённый, хотя и с видимым усилием, Филипп выдал едва понятным полусёпотом:

– Моя сестра, миссис Монтейт... мистер Бертрам Ингльдю.

И внутренне содрогнулся.

Бертрама поразило, что красавица с одухотворённым взором оказывается сестрой этого простецкого юноши с выражением лица, будто у варёной рыбы, который повстречался ему на углу. Однако он скрыл удивление и лишь воскликнул, как будто то было самым естественным замечанием на свете:

– Приятно познакомиться. Какое очаровательное платье! И как оно вам замечательно идёт!

Филипп в ужасе вытаращил глаза. Фрида же потупилась на свой наряд изучающе. Откровенность незнакомца, пусть и эксцентричная, звучала освежающе.

– Я рада, что оно вам нравится, – сказала она, принимая комплимент со спокойным достоинством и той простотой, на которую он был рассчитан. – Это всё мой собственный вкус. Я выбрала материал и придумала дизайн. И я знаю, кто это, Фил, можешь не утруждать себя рассказами. Этот тот джентльмен, которого ты встретил вчера вечером на улице и о котором говорил за ужином.

– Ты совершенно права, – ответил Филипп с неодобрительным видом (как бы говорящим, в сторону, «Что я мог поделывать»). – Он... он в довольно затруднительном положении.

После чего торопливо поведал Фриде, с пожиманиями плеч и кивками глубочайшей важности, о том, что этот не то лунатик, не то убийца, не то иностранец, не то дурачина приехал к мисс Блейк без какого-либо багажа, и что «возможно» – весьма сомнительно – «чемодан или сумка могут помочь ему выкрутиться из этих временных затруднений».

– Ну конечно! – порывисто воскликнула Фрида, всё уже решившая: – Кожаный саквояж Роберта и мой коричневый чемоданчик – как раз то, что ему надо. Я готова одолжить их ему сразу же, если только мы сможем поймать воскресный кэб, чтобы их забрать.

– Только конечно не до службы, – возмущённо прервал её Филипп. – Ты ведь понимаешь, что если он заберёт их сейчас, то повстречает всех прихожан.

– А что, встречать священников с кожаным саквояжем считается табу? – на полном серьёзе поинтересовался Бертрам тем ребячливым тоном простого любопытства, который Филипп уже не раз у него замечал. – Ваши бонзы против того, чтобы встречаться с человеком, обременённым поклажей? Они считают это к несчастью?

Фрида с Филиппом переглянулись и рассмеялись.

– Ну, вообще-то это не совсем табу, – мягко ответила Фрида. – Да и дело тут, знаете ли, не столько в самом настоятеле, сколько в чувствах соседей. У нас весьма уважаемый район – безумно уважаемый – и здешние люди могут начать судачить, стоит кэбу отъехать от крыльца, когда они проходили мимо. Думаю, Фил, ты прав. Ему лучше подождать, пока прихожане ни разойдутся.

– Похоже, в вашей деревне уважение считается крайне важным предметом поклонения, – совершенно искренне предположил Бертрам. – Это местный культ или он свойственен всей Англии?

Фрида взглянула на него слегка озадаченно.

– О, полагаю, что всей, – ответила она со счастливой улыбкой. – Однако, вероятно, болезнь носит здесь чуть более эпидемический характер, нежели где бы то ни было ещё. Она затрагивает пригороды. И мой братец подцепил её, как и все.

– Как и все! – повторил Бертрам в недоумении. – Значит, вы сами к этому вероучению не принадлежите? Вы не преклоняете колено перед этим олицетворением абстракции? Полагаю, за семью ей поклоняется ваш брат?

– Да, он более ревностный святоша, чем я, – продолжала Фрида довольно откровенно, при этом немало удивляясь свободомыслию постороннего. – Хотя все мы, несомненно, одним миром мазаны. Уважаение, полагаю, недуг заразный.

Бертрам смотрел на неё в нерешительности. Она сказала «недуг»? Серьёзно или в шутку? Он с трудом её понимал. Однако дальнейшая дискуссия была ненадолго прервана: Фрида вызывалась сбежать наверх и поискать саквояж и коричневый чемоданчик, который она набил бесполезными книжками и другими тяжёлыми вещами, чтобы те послужили противовесом уязвлённым чувствам мисс Блейк.

– Вам лучше подождать четверть часика после того, как мы уйдём в церковь, – сказала она, когда слуга внёс эти предметы первой необходимости в комнату, где сидели Бертрам и Филип. – К этому времени все прихожане благополучно займут свои места. И совесть Фила будет чиста. Можете сказать мисс Блейк, что привезли меньшую часть своего багажа на сегодняшние нужды, а остальное последует из города завтра утром.

– О, как вы любезны! – воскликнул Бертрам, с благодарностью взирая на неё сверху вниз. – Я определённо не представляю, что бы я делал со всем этим кризисом без вас.

Он произнёс это с теплотой, чуждой условностям. Фрида вспыхнула и выглядела смущённой. Вне всяких сомнений он был самой странной и ничем не скованной личностью.

– И если позволите дать совет, – вставил Филип, бросая взгляд на крайне не воскресный костюм своего собеседника, – вам было бы лучше постараться не слишком много появляться на улице в том, что на вас. У вас, знаете ли, непривычный вид, который может привлечь внимание.

– О, и это тоже табу? – поспешно заключил чужеземец с тревогой в голосе. – Жутко мило с вашей стороны. Но не менее странно, поскольку вчера вечером мимо моего окна прошло два или три человека, все англичане, насколько я могу судить, и все они были почти в таких же костюмах, как этот... который был скопирован, как я вам уже рассказывал, с английской модели.

– Вчера вечером, да, конечно, – ответил Филип. – Вчера была суббота. Совсем другое дело. В этом отношении костюм вполне годится, разумеется, он весьма опрятен и приличествует джентльмену. Но не по воскресеньям. В воскресенье от вас ждут чёрное пальто и камзол, вроде тех, знаете ли, что на мне.

Бертрам терял самообладание.

– А если меня увидят на улице в таком виде, – спросил он, – мне что-нибудь сделают? Арестуют ли меня стражи покоя... я имею в виду, полицейские?

Фрида рассмеялась смехом искреннего веселья.

– О, дорогой мой, нет, – беззаботно сказала она, – это вовсе не дело полицейских. Всё не настолько серьёзно: это всего лишь вопрос респектабельности.

– Понятно, – ответил Бертрам. – Респектабельность – табу религиозное или общепринятое, а не официальное или правительственное. Я отлично вас понимаю. Но этот тип часто наиболее опасен. Люди на улице, те, что обожают Респектабельность, похоже, что они набросятся на меня всей толпой за неуважение к их фетишу?

– Нет, конечно, – зарделась Фрида. Похоже, он заводит шутку слишком далеко. – Это свободная страна. Каждый носит, ест и пьёт то, что ему нравится.

– Что ж, мне всё это очень интересно, – продолжал чужак с очаровательной улыбкой, обезоружившей её негодование, – поскольку я прибыл сюда с целью собрать факты и заметки касательно английских табу и схожих обрядов. Дома я являюсь секретарём одного номологического общества, чьи интересы связаны с пагодами, ступами и кумирнями. Я объехал Африку и острова южной части Тихого океана, работая над материалами для «Истории табу» с самых ранних их проявлений в дикарстве и до полного развития в европейскую мудрёность. А потому всё, что вы говорите, весьма мне близко. Я предвижу, что ваши табу окажутся на поверку самым ценным и наглядным исследованием.

– Прошу прощения, – сухо вклинулся Филип, уступая своей горячности. – У нас в Англии нет ни малейших табу. Вас определённо ввела в заблуждение обычная шутливая, которой балует себя общество. Англия, не забудьте, страна цивилизованная, а табу – атрибуты самых низменных и выродившихся дикарей. *façon de parler*¹

Однако Бертрам Ингльдю воззрился на него с чистейшим изумлением.

– Никаких табу! – ошеломлённо воскликнул он. – Да я читал про сотни. Среди студентов номологии Англия всегда считалась интереснейшей колыбелью и центром высшего и наиболее развитого в эволюционном смысле табуирования. Вы сами, – добавил он с учтивым поклоном, – уже снабдили меня полудюжиной. Возможно, вы называете их между собой как-нибудь иначе, хотя по происхождению и сути, разумеется, они совершенно то же самое, что прочие табу, которые я давно исследую в Азии и Африке. Однако боюсь, что я отвлекаю вас от обязанностей в вашей кумирне. Вы наверняка желаете совершить коленопреклонение в Храме Респектабельности.

И он молча задумался о том любопытном факте, что англичане дают себе по закону пятьдесят два недельных праздника в год и понуждают себя по обычаю тратить их впустую на церемониальные обряды.

¹ Фигура речи (фр.) – Здесь и далее – примечания переводчика.

III

По дороге в церковь Монтейты перемывали косточки своему новому знакомому.

– Ну и какого ты о нём мнения, Фрида? – поинтересовался Филип, вальяжно откидываясь на спинку сидения, стоило экипажу свернуть за угол. – Лунатик или жулик?

Фрида сделала нетерпеливый жест рукой в изящной перчатке.

– Что до меня, – ответила она без малейшего колебания, – не то и не другое. Я нахожу его просто очаровашкой.

– А всё потому, что он похвалил твоё платье, – отозвался Филип с умным видом. – Ты когда-нибудь видела подобную беззастенчивость в жизни? Что это было – невежество или высокомерие?

– Это была безупречная простота и естественность, – уверенно ответила Фрида. – Он посмотрел на платье и признал это, а будучи без утайки наивным, он даже не подумал об этом умолчать. Я решила, что это вовсе не грубость... и мне понравилось.

– У него и в самом деле до некоторой степени подкупающие манеры, – продолжал Филип медленнее. – Он умеет произвести впечатление. Если он сумасшедший, как я склонен подозревать, то, по крайней мере, его сумасшествие благовоспитанно.

– Его манеры более чем подкупающие, – пылко согласилась Фрида, поскольку таинственный незнакомец понравился ей с первого взгляда. – Они такие, абсолютно свободные. Вот что меня в них поражает больше всего. Они схожи с лучшими манерами английской аристократии, но без высокомерия. Или с самыми свободными манерами американцев, но без грубости. Он чрезвычайно изыскан. И он такой, такой красавец!

– Он симпатичный, – нехотя согласился Филип. Филип имел в своём распоряжении зеркальце и потому был привычен к весьма высоким стандартам мужской красоты.

Что до Роберта Монтейта, то он улыбался мрачной улыбкой человека несколько не заворожённого. Он был угрюмым бизнесменом шотландского происхождения, который сделал состояние на пальмовом масле в лондонском Сити. А женившись на Фриде, столь необыкновенно прекрасной женщине с роскошной фигурой, которая теперь главенствовала за его столом, он не слишком сильно симпатизировал тому, что считал её высокопарными причудами и нелепыми мечтаниями. Он повидался с чужестранцем лишь мельком, вернувшись со своей еженедельной прогулки или «инспекционного тура» по саду и конюшням как раз когда они уже собирались отбыть к Св. Варфоломею, а потому его мнение об этом человеке было несколько не усилено энтузиазмом Фриды.^{2 3}

– Что касается меня, – произнёс он, растягивая слова на шотландский манер, унаследованный от его отца (поскольку, хотя родился и воспитывался он в Лондоне, по сути своей он был чистейшим каледонцем), – что касается меня, то у меня нет ни малейших сомнений в том, что он проходимец. Удивляюсь тебе, Фрида: ты оставила его одного в доме полном серебра. Перед отъездом я отошёл и с глазу на глаз предупредил Марту, чтобы она не покидала залу до тех пор, пока этот малый ни уберётся, и звала повара и Джеймса, если он попытается выбраться из дома с чем-нибудь из нашего имущества. А ты, похоже, так ни в чём его и не заподозрила. Да ещё снабдила чемоданом, чтобы он всё это утащил! Женщины никчёмны! Эй, полицейский! Прайс, остановитесь на минутку. Я бы хотел, чтобы вы нынче утром последили за моим домом. Там находится один человек, вид которого мне совершенно не нравится. Когда он будет отъезжать в кэбе, который вызовет для него мой лакей, просто проследите, где он остановится, и позаботьтесь о том, чтобы он не взял того, о чём не знают мои слуги.

² Под могут также пониматься «взятки». *palm-oil*

³ Имеется в виду одноимённая церковь на севере Лондона.

Тем временем Бертрам Ингльдю, ожидавший, когда рассеются прихожане, предавался в гостинной размышлениям о том, какими многообещающими выглядели эти одёжные и дневные табу вдобавок к схожим обычаям, которые он встречал или о которых читал в своих изысканиях по миру. Ему вспомнилось, как в определённое утро года верховный жрец сапотекков был обязан напиваться в стельку, что в любой другой день календаря считался бы всеми страшным для него грехом. Он размышлял о том, как в Гвинее и Тонкине в определённый период раз в год всё считалось правильным и законным, так что самые жуткие преступления и проступки оставались незамеченными и ненаказуемыми. Он улыбался, думая о том, как в некоторых странах на некоторые дни накладывались табу, так что чего бы ты в эти дни ни делал, будь то хоть партия в теннис, это считалось зазорным. В то время как другие дни были периодам полной вседозволенности, и что бы ты в них ни творил, хоть смертоубийство, это воспринималось как нечто подобающее и священное. Для него самого и для его домочадцев, разумеется, правоту или неправоту поступка определял его внутренний умысел, а не определённый день, неделя или месяц, в которые тот совершался. Безнравственное в июне считалось столь же безнравственным в октябре. Но не среди безрассудных ревнителей табу в Африке или Англии. Там то, что было правильным в мае, становилось порочным в сентябре, а то, что было дурным в воскресенье, становилось безвредным или даже обязательным в среду или четверг. Для человека разумного всё это было весьма трудно понять и объяснить. Однако он, тем не менее, намеревался добраться до самой сути – чтобы выяснить, почему, к примеру, в Уганде все, кто предстают перед королём, должны оставаться совершенно голыми, тогда как в Англии, кто бы ни предстал перед королевой, обязан был носить портновский меч или длинный шёлковый шлейф и головной убор из страусовых перьев; почему в Марокко, когдаходишь в мечеть, нужно непременно разуваться и до смерти простужаться, выражая тем самым своё уважение к Аллаху, тогда как в Европе, входя в схожее религиозное заведение, принято обнажать голову, каким бы продуваемым всеми ветрами ни было это место, поскольку заседающее там божество явно безразлично к своим прихожанам, которые подвергают себя опасности заболеть чахоткой или ещё какой-нибудь грудной болезнью; почему та или иная одежда или еда предписываются в Лондоне или Париже по воскресеньям или пятницам, в то время как другая, столь же горячая или удобоваримая, или наоборот, совершенно законна во всём остальном мире по четвергам и субботам. Таковы были любопытные темы, на которые он набрёл в своих исследованиях и которым факиры и дервиши всех стран давали столь причудливые объяснения. И он уже видел, что без труда соберёт многочисленные примеры для своей темы повсюду в Англии. Будучи столицей табу, она являла эти феномены на пике их эволюции. Озадачивало его только то, что Филип Кристи, урождённый англичанин и явно один из самых набожных блюстителей всего многообразия табу и предубеждений своей страны, практически отрицает само их существование. Для него это было очередным доказательством крайней осторожности, с которой следует проводить все антропологические исследования, прежде чем принять за доказательство мнения даже благонамеренных аборигенов относительно религиозного или общественного обихода, который они зачастую по-детски неспособны описать посторонним дознавателям в рациональных терминах. Они воспринимают собственные манеры и обычаи как само собой разумеющееся и не в состоянии увидеть их в истинном свете или сравнить с подобными манерами и обычаями других народов. ⁴

⁴ Один из коренных народов Мексики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.